

К. УМБРАЖУНАС

В 1940 году 26 октября органами НКВД я был арестован совершенно необоснованно. Работал я в г. Вильнюсе в редакции "ТАРИБУ ЛЕТУВА" (Трудовая Литва) заведующим отделом. Моя честная работа была известна, моя деятельность была одобрена, между прочим, Председателем Президиума Верховного Совета Литовской ССР тов. Юстасом Палецкисом, писателем Йонасом Шимаусом, журналистами Йозасом Белецкасом, Альбинасом Жукаускасом и редколлегией газеты. Следственные органы придумали такие обвинения, каких я даже и во сне не мог видеть: вроде бы я издавал тайную антисоветскую националистическую (литовскую) газету, готовил вооруженное восстание. На самом деле ничего подобного не было. Следователи меня жестоко избивали за то, что я не показал им, где находится придуманный ими склад оружия. Хотя они в начале допросов меня и обвиняли, что я был редактором тайной газеты, но потом от этого бессмысленного обвинения сами отказались.

Самым страшным для меня, арестованного, были пытки. Безжалостные следователи Николайченков и Исаев истязали, мучили, избивали. Даже девушка, которая работала в системе НКВД и раздавала в кабинетах пищу подследственным, стала протестовать, когда увидела меня избитого с синяками на лице. Хотя это было давно, в 1940 году, примерно 27-28 октября, но помню диалог этой девушки со следователем, когда она увидела меня избитого.

— Мерзавцы! Что вы сделали из этого юноши! Помню как хорошо он выглядел вчера, когда вы его в наручниках привели сюда в наше здание. А какой он сейчас? И не думайте, что я буду молчать на нашем комсомольском собрании. Вы не имеете права избивать этих людей!

— А ты замолчи! Ты что влюбилась во врага народа, контрреволюционера?! — закричал следователь и вытолкнул её за дверь кабинета. Больше я её не видел.

Когда я работал официальным корреспондентом литовской газеты "XX век" в Варшаве: мне приходилось читать в польской периодике о бесчинствах советской ГПУ над высокопоставленным военным начальником Тухачевским, о смертной казни моих соотечественников И. Уборевича, В. Путаны, о расстрелах видных партийных и государственных деятелей (Н. Бухарина и др.). Это приводило в ужас. А вот в 1940 году и меня из редакции привели в здание НКВД на допросы.

Старший следователь, рыжий, похожий на китайца, и его подручный следователь Николайченков "вежливо" сажают меня подальше от письменного стола и спрашивают

- Вы кто?

- Я журналист.

- В какой организации состоите?

- В профсоюзе журналистов.

- А ещё в какой организации?

- В никакой другой. Когда Литва была присоединена к СССР, все остальные литовские организации ликвидированы. Остался только профсоюз журналистов.

- А ещё в какой организации вы состоите?

- В никакой другой организации.

- А ещё, ещё? - отвратительно и надоедливо спрашивает следователь с китайской физиономией. Я ответил серьезно, ибо думал, что следователь спрашивает серьезно, но когда я понял, что он чепухой занимается, я замолчал.

- Сколько я могу вам одно и то же повторять, господин следователь?

- Какой я вам господин, я для вас гражданин следователь - учит желотокожий, косоокий следователь.

- Извините, я по старой литовской привычке назвал вас господином, да ещё по-русски, по-видимому, я слабо говорю, ведь я самоучка, знаю пять языков, а русскому языку научился не в школе, а дома, у

отца - бывшего петербургского рабочего Путиловского завода.

- Ну, вот дадим тебе десять лет лагерных работ, изучишь и шестой язык - русский, - моргнул старший следователь своему другу.

- Как вы определяете для меня 10 лет, ведь ещё только что начали следствие? Я уверен, что вы убедитесь в моей невиновности и отпустите меня домой.

- Если уж арестовали, так знай, что получишь 10 лет. Ну, а все же ответь в какой организации состоял?

- В никакой другой.

- Ты же... (нецензурное слово)..... твою мать! Ты состоял в тайной вооруженной повстанческой организации! Ты.... твою мать, руководил в ней, а сейчас отрицаешь??!!... А ну-ка встань, - скомандовал следователь, - вынимай всё из карманов!

Я, конечно, встал, выложил всё из карманов на стол следователя, а швейцарские ручные часы "Омега" как были у меня на руке, так и остались.

С понедельника до субботы меня продержали в кабинете на предварительном следствии, не разрешали мне ни спать, ни лежать, ни отдыхать. Если следователь уходил на отдых, он вызывал бойца НКВД с винтовкой и штыком, который командовал: Отвернись лицом в угол и садись, но не дремли!

Значит, я всю неделю не спал, не лежал, не отдыхал. Из-за отсутствия движения мои ноги распухли, а сам я чувствовал себя слабо.

А самым страшным для меня были пытки. Били меня резиновыми ремнями по подошвам ног, сажали на так называемый "седалищный нерв" на табуретке, били в лицо, в шею и спрашивали:

- Где склад оружия? Кто к тебе приезжал из Берлина?

- Никто ко мне не приезжал из Берлина! - я не мог им показать склад оружия, так как не знал, где он находится.

- Так что же ты не говоришь, где склад оружия? Мы тебя убьём, если не скажешь! Что ты их жалеешь? Мы будем тебя избивать, пока ты не выдашь, где склад оружия, где твои подпольные друзья, начальники, заговорщики.

- Я вижу, что вы меня убьёте, но я не знаю никакого склада оружия, - отвечал я, - Убьете вы меня, но совесть вас всю жизнь будет мучить. У меня есть мать, сестры, братья, они любят меня, а я люблю их. Неужели вас не тронут слёзы моей матери и сестёр? И после моей смерти вы сможете спокойно спать? Всё равно и после смерти я вам не дам покоя, буду вас обвинять, зачем вы меня невинного умертвили...

- Замолчи, ты, враг народа, продажная шкура. И ты ещё отрицаешь, что виноват?

- Да, я честный, лояльный гражданин. Если вы честные чекисты, то уже сегодня должны были убедиться, что напрасно меня орестовали, и отпустить меня на волю.

На эти мои слова следователь Николайченков вот что ответил:

- В борьбе за безопасность мы не жалеем людей. Даже если сто человек арестуем, и среди этих ста попадетсся один враг народа, нам не жалко остальных 99 граждан. Лес рубят - щепки летят. Лишь бы уничтожить врага народа.

Вечерами меня ежедневно всячески пугали, избивали резиновыми дубинками и руками, пинали ногами. Сам следователь, Николайченков, ростом невелик, для меня в то время был не слишком грозным. Поэтому, когда он меня в первый раз осмелился ударить в шею, я весь взволновался, задрожал и почувствовал себя настолько оскорбленным, что вскочил с места и нанес ему такой ответный удар от всего сердца, что следователь упал в угол. Вот тут-то я здорово ошибся. За такое мое поведение меня били беспощадно "на перекрест" незнакомые мужчины куда сильнее следователя. И вот уже поздняя ночь (около 24 ча-

сов), а меня всё пытаются:

- Скажи, где склад оружия. Не скажешь, так мы тебя убьём. Лучше для тебя будет, если скажешь. Что? Разве ты не знаешь - если враг не сдаётся, его уничтожают? Не покажешь, где склад оружия - уничтожим.

Это уже четвертая ночь, а меня всё ещё мучают, бьют, допрашивают - Скажи, где склад оружия? - и "доброжелательно" предупреждают, - Не скажешь, убьём.

За четверо суток я заметно ослаб, и нервы начали сдавать, иногда стали появляться в глазах какие-то галлюцинации, иной раз от пыток я не мог устоять на ногах, падал на пол и лежал едва живой.

- Ты что Казимира ("по матушке") подымаешь? Нет не дадим тебе подохнуть, пока не скажешь, где склад оружия! - и тут же мне за воротник льют из графина холодную воду.

Пытки делали сеансами. Палачи курили, сидели и беседовали между собой, а после отдыха приступали опять к работе. Глубокая ночь, тихо, на проспекте Сталина ни живой души. И вдруг, я, лежа на грязном паркете, слышу, как по тротуару идёт какая-то дама. Я лежу на 2-м этаже, думаю: "Все равно буду кричать громко, громко!".

- Люди, спасите, меня в НКВД убивают!!

И вот эта неизвестная женщина под окном останавливается, слушает, что я кричу. Палачи из кабинета убегают, оставляют меня только со следователем Николайченковым. Этому я обрадовался, ведь измерил силы - следователь для меня не грозный противник. Хотя в эту минуту я не имел сил на оборону и от кулаков Николайченкова.

И так пять суток меня мучили в кабинете. В субботу я уже совсем ослаб, хотелось и спать, и отдохнуть наедине. По-видимому, это заметил и следователь Николайченков.

- Сейчас пойдем к генералу, - предупредил он.

Я не испугался, что меня представят генералу, я усталый и изму-

ченный, был апатичен, для меня всё было безразлично. Генерал высокого роста, настоящий атлет и, вскоре я в этом убедился, настоящий хулиган. Он допрашивал, требовал показать, где склад оружия.

- Ты состоял в организации шаулистов?

- Нет, шаулисты были раньше ликвидированы.

- А в каком чине ты был тогда, когда шаулисты ещё не были ликвидированы в Литве?

- В польской армии я был только капралом, поэтому и в шаулистах я не мог быть офицером.

- Ты что врешь! Почему не говоришь, где склад оружия? - и так сильно он меня ударил по щеке, что я полетел на паркет. - А ну-ка встань!

Когда я встал, генерал так ловко ударил ещё и с другой стороны, что выбил мне зуб. Мигом я сплюнул на ладонь зуб с кровью, протянул руку и сказал:

- Теперь буду знать, какой вы генерал.

- Замолчи, сволочь! - усмирал меня следователь Николайченков.

- Отведите его в Лукишки на трое суток в карцер - приказал генерал.

И вот я у тюрьмы. Стою перед огромными железными воротами. Следователь Николайченков конвоировал меня с наганом. Сейчас стоит рядом со мной и спрашивает:

- Ну что, Умбряжунас, надумал попасть в тюрьму? Вот ты..... уже сейчас в тюрьме, десять лет будешь в лагерях и будет тебе уже 40 лет. Так и пропадет твоя молодость.

- И без суда?

- Да, да! У нас и без суда держат в лагерях!.

Открылась калитка и тюремный надзиратель ввел меня в тюрьму, оформил, остриг. Вызвали врача, он сказал, что я избит, весь в синя-

ках, надо, мол, составить акт.

- Зачем? - стал я возражать. - Доктор, составишь акт, что я избит, зуб выбит - так и вас посадят со мной, лучше не надо акта. Будь на свободе, - так я сказал врачу.

А в карцере как мне было хорошо! Никто не допрашивает, никто не избивает. Врач меня убеждал, что я должен поесть что-нибудь, ибо я слабый. Но я отказывался - ведь десны во рту ранены, пищу принять не могу.

- Доктор, спасибо Вам за дружеские чувства. Но я хочу отдохнуть. Ведь с понедельника я не спал и не лежал.

Милосердный врач ушел, а я уснул и спал до свистка надзирателя. Карцер отворился и опять появился врач, предлагал что-нибудь поесть. Дали деревянную ложку топорной работы. и котелок с "затиркой". Значит, я приобрел права заключенного.

На допросы не водили с неделю, пока я окреп. И вот примерно в II часов вечера свисток на отбой, в коридоре тихо, а на меня надзиратель надевает наручники и ведет во двор, ведет через другой тюремный двор. А какой ужасный звон, когда открывают и закрывают тюремные ворота! Звенит и плачет вся территория Лукишки! Кому ноченька, а следователям и надзирателям интенсивная работа.

Привели меня к следователю. Когда он по телефону кому-то представился и сказал свою фамилию "Исаев", ну, думаю, посмотрим, что ты за человек. А он был ростом больше, чем следователь Николайченков. Я подумал, что это для меня хуже, этому я уже не осмелюсь дать сдачи, если он будет меня избивать.

Новый следователь велел мне рассказать биографию и всё напоминать, что я враг народа. Хотя я и сказал ему, что моё происхождение крестьянское, отец пахарь и я сам демократических убеждений, ненави-

жу помещиков, а против Советской власти никогда плохого слова не писал и не сказал.

- Давай признавайся, где склад оружия!

Когда я все обвинения отверг, Исаев изобразил себя большим советским патриотом и стал мне в лицо плевать. И так плевал, что всё мое лицо было отвратительно оплеванным. Это было для меня ужасное оскорбление. Ввиду того, что меня привели в наручниках, я физически уже не мог защищаться. Никогда я не думал, что следователь может так оскорблять. Так я и сидел оплеванный.

И вот мой следователь Исаев по телефону узнал от друзей, что по кабинетам ходит с проверкой представитель прокуратуры. Исаев приказал мне вытереть лицо.

- Не я оплевывал, не я и буду вытирать!

По-видимому, смутился следователь, что меня оплевал, осквернил, а сейчас требовал, чтобы я сам себе вытирал лицо. Я не вытирался. Смотрю, следователь вытащил свой грязный носовой платок и стал вытирать мне лицо.

Когда представитель прокуратуры вошел в кабинет, хотя следователь меня всё же успел очистить от харканья, я пожаловался этому контролеру, однако извинения не получил.

Затем издевались и дальше. Следователь Вайчунас придумал организовывать очные ставки с моим другом Бронюсом Рачисом так искусно, как мучил Вышинский. И приходится удивляться, как можно высосать из пальца крупное государственное преступление, какой-то чуть ли не оперативный стратегический план, подходящий разве что главнокомандующему армией, а не журналисту. Избитые подследственные подписывали всякую чепуху, лишь бы прекратили пытки, избиение.

Когда в 1941 году началась война, нас, заключенных, вывезли в "черных вагонах" на товарную станцию и увезли в прославленную Ека-

терининскую тюрьму города Горького. Во время эвакуации нам четверо суток не давали ни пищи, ни воды, хотя жара в июне месяце была невыносимая. В нашем вагоне от такого режима умер заключенный Александр Пакула, студент Вильнюсского университета; многие заболели тяжелыми болезнями, пока нас довели до горьковской тюрьмы.

Тяжело было в горьковской тюрьме, и только в 1942 году в марте месяце нам зачитали решение Особого совещания НКВД, согласно которому мы были осуждены на десять лет лагерных работ в системе ГУЛАГА. Ещё тяжелее стало, когда нас, заключенных, заставили работать на лесоповале в полуголодном состоянии. Кормили нас часто кашей из испорченной ржаной муки и нелущенной гречихи. Заключенные повреждали себе кишечник и умирали. В Унжлаге умер мой друг, искусственно подобранный органами НКВД "напарник" - Бронис Рачис.

Условия работы заключенных были таковы, что раньше или позже от этой работы и голодного состояния умирали. Поэтому заключенные избегали работы, отказывались от неё, рубили себе пальцы левой руки и становились инвалидами на всю жизнь. Не однажды бывало, что заключенный, положив в лесу на пень левую руку, в присутствии начальника топором обрубал пальцы, а затем, схватив сгоряча окровавленные пальцы, бросал их в лицо начальнику по режиму.

Многие заключенные в лагере умерли, но я выдержал и в 1950 году из лагерей на Урале был сослан в бессрочную ссылку в Туруханский район.

Когда после 16-ти лет репрессий я был освобожден из ссылки, мать моего друга Б.Рачиса, рыдая, пришла ко мне и спрашивала про своего сына. А разве она одна мать, у которой сталинисты умертвили сына? Таких, которые выдержали мучения, вернулось в Литву мало, большинство поумирало. Я из когтей палачей вернулся в г.Вильнюс в 1956 году, а страдал с 1940 года, то есть шестнадцать лет.

Хотя Верховный суд Литовской ССР формально меня и реабилитировал, однако за срок моих страданий (16 лет) компенсации мне не выплатил, всё время меня считали "особо подозрительным лицом", без суда преследованным по определению Особого совещания НКВД.